

Маренич НАЧИНАЛСЯ ТАК

ИМЯ НАРОДНОГО АРТИСТА
РСФСР АНАТОЛИЯ ГРИ-
ГОРЬЕВИЧА МАРЕНИЧА,
ОДНОГО ИЗ ВЕДУЩИХ МАСТЕРОВ
ОПЕРЕТОЧНОГО ЖАНРА НАШЕГО
ВРЕМЕНИ, ХОРОШО ИЗВЕСТНО
НЕ ТОЛЬКО В СВЕРДЛОВСКЕ, НО
И ДАЛЕКО ЗА ПРЕДЕЛАМИ УРА-
ЛА. В ДЕКАБРЬСКОМ НОМЕРЕ
ЖУРНАЛА ПЕЧАТАЕТСЯ МОНО-
ГРАФИЯ М. ЛОГИНОВСКОЙ ОБ
ЭТОМ ПОПУЛЯРНОМ АКТЕРЕ.
ПРЕДЛАГАЕМ ОТРЫВОК.

...Это было в середине 20-х годов. Коллектив заканчивал гастроль в Полтаве. Последним, прощальным спектаклем должна была пойти оперетта «Ночь любви». Музыка была, в общем-то, компиляцией из известных оперных арий, модных романсов и куплетов. Сюжет примитивный, но сделан очень смешно. Двое студентов влюбляются в двух молодых девушек и после всяких водеvilных путаниц женятся на них.

Одного студента играл артист Райский, другого — артист Джусто. Билеты были все распроданы. На другой день театр уезжал в Харьков.

И тут, накануне спектакля, Джусто заболел: аппендицит. Рассказ о том, что произошло в связи с этим, так забавен, что хочется передать слово самому Анатолию Григорьевичу Мареничу.

«Так вот, значит, заболел Джусто. Положение катастрофическое. Деньги розданы артистам, часть истрачена, спектакль отменить нельзя. Перебрали всех — заменить нечем. Тут кто-то вспомнил обо мне. Вроде парень музыкальный... Подойдет!

Срочно собрали совещание руководства, вызвали меня и тут пошло!

— Толя! Милый! Вся надежда на тебя, — начал на пафосе ответственный руководитель Бернштейн.

Режиссер Таганский заявил по-деловому:

— Вот тебе текст. Сегодня будет репетиция, пройдем как-нибудь...

— Толя, я тебе помогу, — убеждал Райский. — Я играю Сергея, но знаю и твою роль, Андрея, и многое сплужу за тебя.

— Да... но... Как же дуэт с вами и трио?

— Я буду петь один, а ты слушай и смотри на меня.

— Правильно, только первый выходной номер два куплета вызубри, а там говорком под суфлера, — подбодрил дирижер Спиридонов. — Не теряйся, все будет хорошо. Можно что-нибудь и скупюровать, к вечеру подумаем.

Товарищи тоже все просили: — Сегодня сыграем, завтра уедем. Терять тебе нечего. Выручай коллектив.

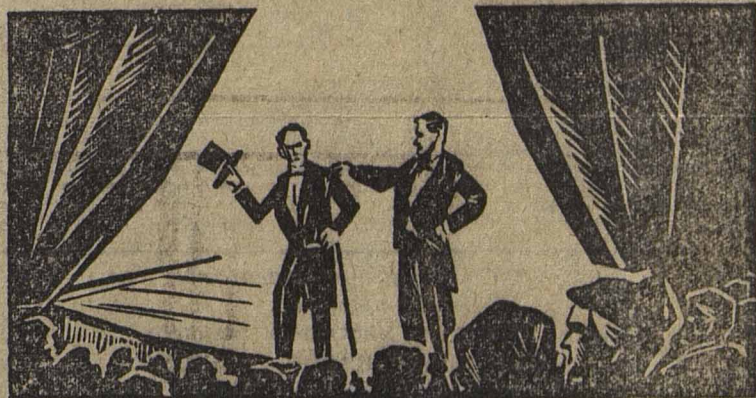
Я пробормотал, что это будет такой провал, такой скандал, какой никому и не снился. Меня освищут, но... если-де надо...

Все поднялись, а меня обнял помощник режиссера и повел к концертмейстеру, чтобы я прослушал свою партию, потому что через час начнется репетиция с хором, оркестром и солистами.

Все чувства мои атрофировались: я ничего не понимал, ничего не слышал, ничего не видел — все было, как во сне. После репетиции я, как в тумане, бубнил первые слова из выходной арии:

«Бонжур, месье!
Бонжур, медам!
Мое почтение...»

Есть я, конечно, не мог. О том, чтобы заснуть, не могло быть и речи. Ночь и день прошли, как в кошмаре. Но вот и шесть часов страшного вечера. Пора в театр. Мысли, одна другой нелепее, мечутся в голове: убежать! заболеть! расплакаться! Но даже слез не было. Пошел в театр. У входа толпился народ. Я стрелой пронесся в гримировочную. Как во сне оделся, сел гримироваться. Из зеркала на меня смотрело бледное лицо с безумными глазами. Подбавил румян. Под суфлера еще раз прохожу роль. Но вот третий звонок. Началась увертюра... Отступления нет! Что-то будет... До моего выхода оста-

лось десять минут. Брожу за кулисами и все твержу первую арию: «Бонжур, месье!...

Подходит помощник режиссера: приготовиться! Слышу вступление. Ноги подкашиваются, «высканываю» на сцену, вижу взмах палочки и испуганно кричу, думая, что пою:

Бонжур, месье,
Бонжур, медам,
Мое почтение!
Такое общество — большое
восхищение.

Красоток целый рой,
Ну, словом, рай земной,
Я от волнения, медам, уж
сам не свой!

И дальше я понесся, закусив удила:

Люблю я рыжих, блондинок
и брюнеток,
Люблю, блю, блю, блю...

Смотрю умоляющими глазами на суфлера, вижу его лицо, покрасневшее от натуги, приставленную ко рту руку и... ничего не слышу, продолжаю абракадабру. Наконец, заканчивается куплет, повторяется рефрен «Во всем царит любовь», и я иду по мизансцене, окруженный артистками хора, в правый угол, затем в левый... Как будто бы все налаживается, но впереди еще один куплет, который начисто вылетел из памяти. Мучительно силюсь вспомнить хоть что-нибудь, но уже взмах дирижерской палочки! Слов нет Выкрикиваю какие-то рыбьи слова... и вдруг слышу

смех. Смех вокруг меня, смех в оркестре, за кулисами, в публике!... Смех все громче и громче, а оркестр все тише и тише. И, наконец, все смолкло, кроме хохота. Хохотала публика.

Я оглядываюсь — и о, ужас! — я на сцене один. Хористки, задыхаясь от хохота, утонули в кулисы. Оркестр положил инструменты. Дирижер упал на попят, и не понять — смеется он или плачет, только вижу слезы на глазах. Суфлер бессильно откинулся назад и почему-то взмахивает руками. Секунда — и мысль: уйти, убежать, укрыться где-нибудь! Сейчас начнут забрасывать помидорами и тухлыми яйцами... Но ноги не идут. Стою и чувствую, как по лицу катятся слезы. И вдруг зал разражается бурными

аплодисментами. Я ничего не понимаю. Стою.

— Дурак! — кричит мне суфлер из будки. — Выйди вперед, кланяйся!

Я невольно подчиняюсь, делаю несколько шагов, кланяюсь, аплодисменты усиливаются. Слышатся крики: «Здорово! Молодец! Давай!...»

Медленно прихожу в себя и думаю: «О, счастье. Спасен! Публика простила».

Видю, как постепенно возвращается хор и действующие лица. Дирижер успокоился, он дает знак, и действие продолжается.

Кто-то ко мне подходит, что-то поет, я уже слышу суфлера, отвечаю, и заканчивается первый акт.

Что и как было дальше, я уже не помню, только знаю, что в третьем акте я должен был спеть своей партнерше: «Руку, сердце, Коралина, вам позволите предложить», но тут появляется Райский, оттесняет меня и... женится на Коралине сам. Ну и пусть себе, думаю я. Все равно публика не поняла, кто в кого влюблен. Важно, что спектакль прошел, и денег не потребовали обратно.

Товарищи меня хвалили, благодарили за то, что я помог коллективу, но я и теперь просыпаюсь весь в испарине, когда мне приснится, что снова стою один на сцене и не знаю, что дальше петь.

«ДЕЯТЕЛИ СВЕРДЛОВСКОЙ Г. СВЕРДЛОВСКОЙ»

10 СЕН 1966